

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.28>

Каганов Александр Шлемович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ГОЛОСА И ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ ФИГУРАНТА ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья раскрывает теоретические основания, принципы построения и технологию проведения лабораторного эксперимента, задачей которого является получение образцов голоса и звучащей речи фигуранта криминалистической экспертизы, проводимой с целью идентификации говорящего. Автор не только формулирует подробные рекомендации по проведению каждого из этапов лабораторного эксперимента, но и обосновывает необходимость этих этапов-разделов, а также подробно останавливается на концептуальных предпосылках каждой из составных частей процесса получения образцов голоса и речи диктора - фигуранта идентификационной экспертизы, что отражает теоретическую значимость предлагаемой вниманию читателей работы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 344-349. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Яценко Н. В. Наименования лиц женского пола в немецком языке (диахронический аспект): автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2008. 24 с.
9. Braun P. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache. Tübingen: Niemeyer, 1997. 157 S.
10. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3. bearb. und erw. Aufl. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverl., 1996. 1816 S.
11. Ehmann H. Voll konkret. Das neueste Lexikon der Jugendsprache. München: C. H. Beck Verlag, 2001. 160 S.
12. <http://www.sprachnudel.de/kategorie/jugendsprache.html> (дата обращения: 20.02.2018).
13. <http://www.superslang.de.html> (дата обращения: 23.02.2018).
14. Welter E. G. Die Sprache der Teenager und Twens. Frankfurt am Main: Dipa-Verlag, 1964. 54 S.

FEMALES' NAMES IN THE CONTEMPORARY GERMAN YOUTH SLANG

Iskarinova Svetlana Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
iskarinova_si@mail.ru

The article is devoted to studying one of the most important lexical strata in the contemporary German youth slang. The analysis of the semantic transformations and derivational processes accompanying the formation of the slang nominations of females is carried out. The author observes the special role of metaphorization and compounding, as well as the activity of suffixal word-formation in creating jargons. Attention is drawn to the conditionality of the choice of the motivational features that form the basis of nominations, as well as the high expressiveness and evaluative nature of the designations of females with the dominance of pejorative character by the gender stereotypes of the creators and the main bearers of a slang.

Key words and phrases: contemporary German youth slang; names of females; metaphorization; compounding; expressiveness; evaluative nature; gender stereotypes.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 27.06.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.28>

Статья раскрывает теоретические основания, принципы построения и технологию проведения лабораторного эксперимента, задачей которого является получение образцов голоса и звучащей речи фигуранта криминалистической экспертизы, проводимой с целью идентификации говорящего. Автор не только формулирует подробные рекомендации по проведению каждого из этапов лабораторного эксперимента, но и обосновывает необходимость этих этапов-разделов, а также подробно останавливается на концептуальных предпосылках каждой из составных частей процесса получения образцов голоса и речи диктора – фигуранта идентификационной экспертизы, что отражает теоретическую значимость предлагаемой вниманию читателей работы.

Ключевые слова и фразы: судебная экспертиза; криминалистическая идентификация; звучащая речь; лабораторный эксперимент; прикладная лингвистика; образец голоса и речи диктора – фигуранта экспертизы.

Каганов Александр Шлемович, к.т.н.

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва
a.sh.kaganov@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ГОЛОСА И ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ ФИГУРАНТА ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Одним из важнейших условий успешного решения задачи криминалистической идентификации личности говорящего является получение образцов его голоса и звучащей речи, которые необходимы для проведения сравнительного идентификационного исследования. Часто предоставляемые такой экспертизы образцы отбираются органами следствия или судом самостоятельно, т.е. без учета рекомендаций, изложенных в специальной литературе [3, с. 118]. В тех ситуациях, когда отсутствует возможность получить новый, записанный в соответствии с научно-методическими рекомендациями образец, эксперту-исследователю приходится проводить специальный отбор фрагментов из звучащих текстов т.н. «исходной» и «сравнительной» звукозаписей. Поясним, что под «исходной» фонограммой в криминалистической экспертизе звукозаписей (далее – КЭЗ) понимается фонограмма, полученная в процессе оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) или скрытно записанная свидетелем, потерпевшим и др., а под «сравнительной» – процессуально оформленная фонограмма образца голоса и звучащей речи фигуранта, используемая для сравнения. Целью вышеупомянутого отбора является преодоление несовместимости (часто кажущейся) исходного и сравнительного звучащих текстов по эмоциональному состоянию говорящего, по ситуации речевого общения, по техническим характеристикам каналов записи исходной и сравнительной фонограмм и др.

Каковы же теоретические основания и технология процесса получения (отбора) образцов звучащей речи фигуранта идентификационной криминалистической экспертизы? Теоретическим фундаментом решения этой

задачи прикладной лингвистики могут служить правила построения естественного и лабораторного эксперимента. В таком представлении рассматриваемой задачи отражается, среди прочего, новизна данной работы.

В энциклопедическом словаре *эксперимент* (от лат. *experimentum* – проба, опыт) определяется как «метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления природы и общества» [1]. В задаче криминалистического опознания (идентификации) диктора применяются методы как «полевого» (естественного) [7], так и лабораторного эксперимента [6].

Если говорить об образцах голоса и речи фигуранта такой экспертизы, то следует отметить, что метод полевого эксперимента, т.е. метод, в котором диктор, дающий образец, не подозревает, что его речевая продукция фиксируется с помощью устройства звукозаписи (далее – УЗЗ), практически (за очень редким исключением) не встречается в судебно-экспертной практике.

Проводя аналогию между рассматриваемой задачей прикладной лингвистики и судебной экспертизы, с одной стороны, и задачей идентификации личности по почерку – с другой, заметим, что в теории судебно-почерковедческой экспертизы (далее – СПЭ) существует понятие «свободных» и «условно-свободных» образцов почерка [10]. Характерным признаком первых из них является то, что они получены *до* возбуждения уголовного дела, т.е. фигурант в момент написания таких текстов не предполагает, что они будут впоследствии использованы в качестве образцов его почерка в процессе сравнительного идентификационного исследования. По этой причине авторы таких письменных текстов продуцируют в процессе написания свои истинные письменно-двигательные функционально-динамические комплексы (далее – ФДК) навыков, а это, в свою очередь, позволяет эксперту в процессе проведения экспертизы проанализировать достаточно широкий набор идентификационных признаков почерка фигуранта СПЭ.

С точки зрения теории эксперимента в данном случае мы имеем дело с разновидностью естественного, или «полевого», эксперимента, т.е. такого эксперимента, в котором, как указывал доктор А. Ф. Лазурский [7], человек (в данном случае фигурант судебно-почерковедческой экспертизы) сохраняет естественность своего поведения в момент продуцирования письменного текста «свободных» образцов.

В задаче криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи дело обстоит иначе. Когда речь идёт о фонограммах-образцах, записанных *до* возбуждения уголовного или гражданского дела, то нередки эпизоды, когда в качестве образцов звучащей речи дикторов – фигурантов таких исследований могут быть использованы звукозаписи их (фигурантов) официальных выступлений, интервью корреспондентам, записи их публичных встреч с коллегами и др. Эти экспертные ситуации возникают в тех случаях, когда в качестве фигурантов таких экспертиз выступают т.н. «публичные» люди: чиновники высокого ранга, бывшие депутаты различных уровней, крупные бизнесмены, замешанные в делах коррупционной направленности и др.

Если речь идёт об обычных, т.н. «непубличных», гражданах, то в качестве образцов их голоса и речи могут быть задействованы материалы из домашних архивов с видео- и звукозаписями семейных событий, торжественных моментов их жизни и др., если таковые предоставлены в распоряжение экспертов.

Характерной особенностью всех этих образцов является то, что они:

- во-первых, получены *до* возбуждения дела, в силу чего фигурант не предполагает, что эти материалы будут впоследствии использованы в качестве образцов его голоса и речи;
- во-вторых (и это отличает подобные образцы от «свободных» и «условно-свободных» в СПЭ), фигурант *знает*, что производится запись его голоса и речи.

Таким образом, психологическое состояние фигуранта и ситуация получения (записи) таких образцов под условия проведения «полевого» (естественного) эксперимента не подпадают. Следовательно, такие образцы нельзя назвать «свободными» – правильнее охарактеризовать их как «условно-экспериментальные», т.е. полученные в результате проведения своеобразного лабораторного эксперимента, поскольку, повторим, фигуранту известно, что производится запись его голоса и речи.

Следующая группа образцов – это образцы, которые получены в результате *специально организованного* лабораторного эксперимента, целью которого является получение т.н. «экспериментальных» образцов голоса и звучащей речи диктора – фигуранта идентификационного исследования.

Экспертная практика показывает, что основным недостатком таких экспериментальных образцов является то, что лица, которые руководят процессом их получения (следователи, судьи, специалисты следственного комитета или судебного департамента и др.), не обладают специальными знаниями в области КЭЗ и (чаще всего) не знакомы с теми методическими рекомендациями и разработками по получению образцов, которые изложены в специальной литературе¹, а следовательно, не владеют технологией их получения.

Характерным примером такого невнимания к рекомендациям прикладных лингвистов и других специалистов в области КЭЗ могут служить многочисленные примеры использования в качестве образца спонтанной речи фигуранта экспертизы фонограммы его допроса. Известно, что возможность проведения допроса обвиняемого, свидетеля или потерпевшего с применением средств видео- и звукозаписи предусматривается уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [11].

Чаще всего такая звукозапись сопровождается составлением письменного протокола допроса, который следователь оформляет, как правило, в электронном виде с помощью компьютера. Такой процесс неизбежно сопровождается стуком пальцев по клавишам клавиатуры. Стук этот также фиксируется устройством звукозаписи, попадая таким образом на фонограмму экспериментального образца. Подобный «испорченный» образец может быть впоследствии использован для проведения перцептивных (аудитивной и лингвистической)

¹ См., например, нашу работу [3, с. 118-126].

частей сравнительного идентификационного исследования, но, как правило, не пригоден или мало пригоден для проведения инструментального анализа речевого сигнала¹.

Выходом из подобной ситуации является использование в процессе проведения экспертизы таких образцов голоса и звучащей речи фигуранта, которые получены в результате *специально* разработанного лабораторного эксперимента, т.н. «экспериментальных» образцов голоса и звучащей речи.

В теории эксперимента под лабораторным экспериментом понимается «методическая стратегия, направленная на моделирование деятельности индивида в специальных условиях», а ведущий признак лабораторного эксперимента определяется как «обеспечение воспроизводимости исследуемой характеристики и условий её проявлений» [6, с. 182]. Следует учитывать, что требование корректности, или «чистоты», получаемых данных неминуемо связано с определенными ограничениями. В обстановке, созданной искусственно, в рамках лаборатории, практически невозможно смоделировать реальные жизненные обстоятельства, т.е. те обстоятельства, которые (в нашем случае) сопутствовали условиям записи т.н. «исходного» звучащего текста². Но этого и не требуется – достаточно в процессе лабораторного эксперимента, т.е. в ходе правильно организованной записи образцов голоса и речи фигуранта, воссоздать лишь отдельные фрагменты обстоятельств записи исходной фонограммы: те фрагменты, в результате которых будут воспроизведены определенные характеристики его голоса и звучащей речи, – фрагменты, которые впоследствии эксперты-исследователи задействуют в процессе проведения сравнительного идентификационного исследования.

Методология проведения такого лабораторного эксперимента требует специального рассмотрения. В наших работах [3] содержится «Методическая записка», которая была подготовлена в рамках выполнения инициативной научной темы «Разработка фонографической звуковой карты Российской Федерации». Материалы этой Записки могут быть использованы в качестве установочного руководства при проведении лабораторного эксперимента, целью которого является получение таких образцов голоса и речи фигуранта проводимой экспертизы, каковые будут сопоставимы с имеющейся в распоряжении экспертов т.н. «исходной» записью. Поясним, что методы и приёмы, изложенные в Записке, могут быть задействованы и при выяснении речевых характеристик конкретного информанта, если речь идёт о составлении базы данных для фонографической звуковой карты России.

Описание стратегии проведения лабораторного эксперимента по получению образцов голоса и речи начнем с описания его (эксперимента) структуры. Последняя должна быть организована с учётом особенностей «исходной» записи, полученной в процессе ОРМ или предоставленной свидетелем, потерпевшим и др. В общем случае такой образец должен состоять из трёх частей-разделов: свободной беседы фигуранта с лицом, проводящим отбор образца; чтения фонетически представительного текста в обычном для фигуранта темпе речи; чтения в убыстренном темпе (уже другого, отличного от первоначального) текста, который (как и первый) должен быть неизвестным для лица, дающего образец. Рассмотрим каждую из частей-разделов описываемого лабораторного эксперимента более подробно.

Первая часть эксперимента направлена на получение образца живой спонтанной речи фигуранта. Именно такая речь будет максимально информативна с точки зрения анализа идентификационных признаков различных групп – аудитивной, лингвистической, инструментальной.

Начнем с объема звучащего текста этой части образца. В упомянутой выше «Методической записке» по составлению Базы данных для длительности звучания речи информанта рекомендуется ~ 12 минут (± 2 мин.). Следует пояснить, что здесь речь идет именно о длительности звучания речи *данного диктора-информанта*, а не о длительности записи в целом. В нашем эксперименте дело обстоит иначе: 12 минут (± 2 мин.) – это (в идеале) нижняя граница необходимого объема звучания спонтанной речи фигуранта криминалистической идентификационной экспертизы. Верхней границы продолжительности звучащего текста мы не указываем – чем протяженнее будет объем этой части-раздела образца, тем большее количество идентификационных признаков аудитивной, лингвистической и инструментальной групп будет выделено экспертом (или, что лучше, комиссией экспертов) в процессе анализа.

Особо следует остановиться на влиянии объема анализируемого звучащего текста этой части-раздела образца на качество лингвистической части интегрального идентификационного исследования. Дело в том, что если для анализа идентификационных признаков фонетической подгруппы часто может оказаться достаточно относительно небольшого объема речевого материала [Там же], то для исследования признаков лексической, синтаксической и семантической подгрупп лингвистического раздела идентификационной экспертизы, как правило, требуется значительно больший объем звучащей речи.

Вторым доводом в пользу как можно большего объема этой части-раздела является несовпадение (в подавляющем большинстве случаев) эмоционального состояния диктора – фигуранта экспертизы в «исходной» фонограмме и в сравнительной записи-образце. Выше мы уже отмечали, что т.н. «экспериментальный образец» записывается, как правило, после предъявления фигуранту уголовного или гражданского дела обвинения. Данный факт часто влечет за собой пониженное, «вялое», а иногда и подавленное эмоциональное состояние диктора. Большой объем сравнительной записи позволяет выбрать из материала этой части-раздела те фрагменты, которые наиболее сопоставимы с «исходной» записью по эмоциональному состоянию фигуранта.

¹ Из теории судебной фонографии известно, что задача криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи является интегральным комплексным исследованием и состоит из трёх частей: аудитивной, лингвистической и инструментальной [4, с. 70].

² Напомним, что т.н. «исходная» фонограмма чаще всего есть результат ОРМ, т.е. оперативно-разыскных мероприятий.

Ещё одним, третьим, фактором, в пользу как можно большего объёма части-раздела образца с живой спонтанной речью является несовпадение ситуации речевого общения «исходной» и сравнительной звукозаписей. Ранее мы обсуждали, что «исходная» фонограмма, как правило, есть результат скрытой записи (т.е. естественного, или «полевого», эксперимента), в то время как экспериментальный образец голоса и речи фигуранта экспертизы отбирается гласно, с его (фигуранта) ведома и оформляется процессуально в его присутствии.

Таким образом, если в процессе записи, полученной в результате ОРМ, фигурант исследования ведёт себя, как правило, свободно, неформально, часто доминирует в процессе разговора, то в ходе записи экспериментального образца он в большинстве случаев эмоционально скован, а часто и напряжен. Иногда такая скованность ведет к тому, что человек, дающий образец, не знает, о чём говорить в процессе записи. В других образцах фигурант эмоционально собран, долго обдумывает каждое слово своего высказывания. Во всех описанных случаях мы сталкиваемся с несовпадением ситуаций речевого общения при записи исходного и сравнительного звучащих текстов. Это несовпадение ситуаций порождает различие фонационных, артикуляционных и речевых характеристик анализируемого диктора.

И здесь мы встречаемся с проблемой правильной организации процесса получения первой части-раздела сравнительной записи. Решающую роль в подобных ситуациях играет подготовленность лиц, организующих и проводящих запись образца голоса и речи фигуранта, к грамотному, методически корректному получению необходимой следствию, суду, эксперту фонограммы образца. Специалист, следователь, судья обязаны уметь правильно построить беседу, направить её в нужное русло. Разговор следует построить таким образом, чтобы больше говорил фигурант. В то же время содержание разговора, его тематика совсем не обязательно должны быть тесно связаны с темой «исходной» записи. Важно другое – умение привести фигуранта, а значит, и обе части его речевого аппарата (далее – РА) – центральную и периферическую – в состояние адекватное, совпадающее с их состоянием в «исходной» фонограмме. Этой цели и служит как можно больший объём этой части-раздела образца. Мы уже говорили о скованности, напряженности фигуранта в начале получения сравнительной записи. Опыт анализа образцов голоса и речи показывает, что по мере развития разговора со следователем, судьёй, специалистом, руководящим процессом записи, фигурант экспертизы пусть и не сразу, спустя какое-то время (которое зависит от психологических характеристик конкретного индивидуума) осваивается с окружающей обстановкой, привыкает к ней, успокаивается и начинает говорить в своей обычной манере. Это позволяет впоследствии, в ходе исследования, выделить в его речи характерные для данного диктора индивидуализирующие идентификационные признаки. Таким образом, увеличение объёма первой части-раздела образца прямым образом влияет на качество такой идентификационной криминалистической экспертизы.

Второй частью-разделом фонограммы образца является чтение фигурантом экспертизы текста в обычном, характерном для данного индивидуума, темпе речи. Смысл такого чтения состоит в том, чтобы:

- во-первых, проанализировать отличительные черты произношения и интонации, присущие данному диктору;
- во-вторых, полнее раскрыть такие черты произношения (в основном, фонетической подгруппы), которые недостаточно проявились в ходе первой части-раздела. Дело в том, что в ходе современного школьного обучения чтение художественных текстов вслух почти не практикуется. По этой причине такое чтение вызывает у многих (в первую очередь у людей молодого возраста и невысокого уровня образования) трудности. В таких ситуациях наиболее наглядно проступают региональные (или т.н. «остаточные» региональные) свойства, или черты речи. Эти свойства служат источником тех идентификационных признаков, которые могут дополнить список признаков, полученных в первой части-разделе образца;
- в-третьих, правильно выбранный для чтения текст позволяет эксперту-исследователю проанализировать в процессе инструментальной части идентификационного исследования фонетическое качество русских гласных, стоящих в фонетически сильных позициях, о чём мы подробно писали в ряде наших работ [Там же].

И здесь мы сталкиваемся с проблемой правильного выбора текста, предлагаемого фигуранту для чтения в рамках проведения второй части-раздела данного лабораторного эксперимента. В специальной литературе [5] приводятся тексты, ставшие уже классическими: «Был тихий вечер...», разработанный д. филол. н. Л. В. Бондарко и к. филол. н. С. В. Степановой [2, с. 132-134]; «В петле неудач», составленный д. филол. н. Р. К. Потаповой [9]; знаменитый текст «Антонич» выдающегося русского лингвиста, д. филол. н. М. В. Панова [8]; диалог «Что вы делали на последнем занятии...» д. филол. н. Н. Д. Светозаровой [2, с. 137-138]. Экспертный опыт, однако, показывает, что следователи, судьи, специалисты часто недостаточно серьёзно относятся к процессу подготовки процедуры получения образцов голоса и звучащей речи фигуранта, не осуществляют предварительный анализ «исходной» записи, не проводят предварительных консультаций с экспертами, а предлагают фигурантам для чтения первый попавшийся на глаза текст: Уголовный или Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, другие нормативные документы (чаще всего юридического характера), газетные материалы и др. Всё это затрудняет последующую работу экспертов и осложняет процесс проведения всех частей сравнительного идентификационного исследования: аудитивной, лингвистической, инструментальной.

Говоря об объёме второй части-раздела сравнительной записи, отметим, что рекомендуемая длительность чтения составляет ~ 8 минут (± 2 мин.). Такого объёма звучащего текста, как правило, оказывается достаточным для проведения сравнительного анализа упомянутых выше индивидуализирующих признаков.

Наконец, *третья часть-раздел* экспериментального образца голоса и речи фигуранта представляет собой запись чтения фигурантом текста в ускоренном темпе. Наши наблюдения показывают, что для ускоренного

чтения часто характерны нечёткость артикуляции (вплоть до сбоя артикуляционных переходов) и эмоциональная напряженность, которая вызвана отсутствием привычки к чтению вслух [3, с. 108]. Состояние мышц речевого аппарата при чтении в быстром темпе в какой-то мере моделирует состояние РА при повышенной громкости, которая нередко встречается в «исходных» записях. Длительность третьей части-раздела образца чтения чаще всего должна составлять ~ 4 минуты (± 1 мин.). При этом фигурант, начиная читать предложенный ему незнакомый текст в убыстренном темпе, часто в процессе чтения переходит на привычную для него скорость. Перебивать или поправлять фигуранта в этих случаях не рекомендуется – длительность фрагмента, в течение которого диктор выдержал ускоренный темп чтения, представляет интерес как один из результатов проводимого лабораторного эксперимента.

Переходя к техническим требованиям, предъявляемым к сравнительной фонограмме, следует подчеркнуть, что качество процесса записи должно создавать условия для получения надёжных статистических характеристик параметров речи лица, дающего образец.

Опыт проведённых нами идентификационных исследований показывает, что уровень воздействия технических характеристик канала записи на изменчивость параметров звучащей речи сопоставим с величиной влияния на эти параметры ситуации речевого общения, несмотря на то, что технические факторы проявляют своё воздействие на уже порождённый речевым аппаратом диктора – фигуранта звуковой сигнал. Такое воздействие выражается во включении в сформированный речевой сигнал частотных и нелинейных искажений, а это, в свою очередь, влечёт за собой трансформирование статистических показателей речевых характеристик.

Каковыми же должны быть характеристики тракта звукозаписи при проведении лабораторного эксперимента по получению образцов голоса и звучащей речи в задаче идентификации личности говорящего? Согласно требованиям, указанным в ГОСТ Р 50840-95, оптимальная частотная характеристика тракта звукозаписи должна гарантировать одинаковость огибающей спектра помехи, приведенной к входу тракта и спектра речевого сигнала на входе¹. Для обеспечения наибольшей помехоустойчивости передачи частотная характеристика, близкая к оптимальной, должна быть линейной в областях частот 70...500; 3000...7000 Гц и иметь подъем 6 дБ/октаву в области частот 500...3000 Гц. Динамический диапазон – не менее 60 дБ, нелинейные искажения – менее 1%. Для получения таких показателей наиболее оптимальным явилось бы использование в процессе записи образцов профессиональной стационарной аппаратуры звукозаписи. Опыт экспертной практики показывает, однако, что следователи, судьи, специалисты, проводящие отбор образцов фигурантов, в большинстве случаев не обладают такой возможностью и вынуждены пользоваться имеющимися в их распоряжении устройствами звукозаписи, чаще всего невысокого класса. В этих ситуациях желательно использовать для получения сравнительных фонограмм (если это осуществимо) те же УЗЗ, с помощью которых были получены «исходные» фонограммы. Такой приём обеспечит одинаковость характеристик каналов записи «исходных» и сравнительных звучащих текстов, что впоследствии облегчит проведение инструментальной части сравнительного идентификационного исследования.

Подводя итоги, отметим, что изложенная методология проведения лабораторного эксперимента позволяет получить полные и всесторонние экспериментальные образцы голоса и звучащей речи фигуранта, что, в свою очередь, обеспечивает высокое качество проведения идентификационного экспертного исследования говорящего в целях установления его личности.

Список источников

1. **Большой энциклопедический словарь** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения: 22.06.2018).
2. **Бюллетень Фонетического фонда русского языка** / под ред. Л. В. Бондарко и К. Запюка. Vochum – Л., 1992. Вып. 4.
3. **Каганов А. Ш.** Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 291 с.
4. **Каганов А. Ш.** Криминалистическая экспертиза звукозаписей. М.: Юрлитинформ, 2005. 272 с.
5. **Каганов А. Ш., Назин Л. Ф.** Криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей: краткая энциклопедия. М.: Юрлитинформ, 2014. 280 с.
6. **Кондаков И. М.** Психология: иллюстрированный словарь. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 512 с.
7. **Лазурский А. Ф.** О естественном эксперименте // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / под ред. И. И. Ильёсова, В. Я. Ляудис. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
8. **Панов М. В.** О тексте фонетической записи // Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 568 с.; 2007. Т. 2. 848 с.
9. **Потапова Р. К.** Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: Радио и связь, 1997. 528 с.
10. **Россинская Е. Р.** Криминалистика: вопросы и ответы: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 351 с.
11. **Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2018** [Электронный ресурс]. URL: <http://upkodeksrf.ru/> (дата обращения: 24.06.2018).
12. <https://www.psychologos.ru/articles/view/laboratornyy-eksperiment> (дата обращения: 26.06.2018).

¹ Значение амплитудно-частотной характеристики (АЧХ) на некоторой частоте указывает, во сколько раз амплитуда сигнала этой частоты на выходе системы отличается от амплитуды выходного сигнала на другой частоте. Частотная характеристика чувствительности (ЧХЧ) – это зависимость осевой чувствительности микрофона (т.е. чувствительности по фронту звуковой волны) от частоты звуковых колебаний в свободном поле. Неравномерность ЧХЧ, как правило, измеряют в децибелах как двадцать логарифмов (по основанию 10) отношения чувствительности микрофона на определённой частоте к чувствительности на опорной частоте (в основном 1 кГц).

THEORETICAL FOUNDATIONS AND TECHNOLOGY OF THE PROCESS TO ACQUIRE VOICE AND SPEECH SAMPLES FROM THE SUBJECT OF FORENSIC IDENTIFICATION EXPERTISE

Kaganov Aleksandr Shlemovich, Ph. D. in Technical Sciences
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
a.sh.kaganov@mail.ru

The article discovers the theoretical foundations, structural principles and technology to conduct a laboratory experiment aimed to acquire voice and speech samples from the subject of forensic identification expertise. The author not only proposes detailed recommendations for conducting each stage of the experiment but also justifies the necessity of these stages-phases and focuses on conceptual grounds for each component of the process to acquire voice and speech samples from the speaker – subject of identification expertise. All the above-mentioned provisions presuppose the theoretical value of the study.

Key words and phrases: forensic expertise; criminalistic identification; living speech; laboratory experiment; applied linguistics; voice and speech samples from speaker – subject of expertise.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 10.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.29>

At the beginning of the XX century, Azerbaijan went through many stages, lived under the captivity of foreign cultures, declared its independence; therefore, the Azerbaijani lexicon is rich in realia reflecting the cultural and national heritage of that period. Non-natives' increasing interest in the Azerbaijani culture in the last decades stipulates translating these culture-bound terms into target languages without distortion and it specifies the relevance of this article. The conducted research has shown that the theme of culture-bound terms translation is very challenging for translators. Ambiguity of the origin of culture-bound terms, absence of corresponding equivalents in the target language, equivocacy of realia meaning even in the source language and other factors cause distortion in the translation of original texts into the target language.

Key words and phrases: realia; culture-bound terms; untranslatability; linguistic and cultural difficulties; native and borrowed culture-bound terms; institutional terms.

Kasymova Gyunel' Einulla kyzy
Azerbaijan University of Languages, Baku
gunel-aysun@hotmail.com

PROBLEMS OF TRANSLATING CULTURE-SPECIFIC TERMS, WHICH EXISTED IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY, INTO ENGLISH (BY THE MATERIAL OF DILARA SEYID-ZADE'S "AZERBAIJAN IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: ROADS LEADING TO INDEPENDENCE")

Culture-bound items are concepts that are specific for a certain culture and differ from society to society. Translation of these terms, causing cultural diversity in target languages, and presenting them to various cultures without distortion are one of significant issues in the translation theory. Therefore, in modern linguistics, controversial issues related to the translation of culture-specific elements are still remaining. Though these national words and expressions carry a local overtone, they often pose a challenge for the translation process. These terms include realia, the names of institutions, organizations, establishments, etc., and they can refer to flora, fauna, food, clothes, housing, work, leisure, politics, law, religion, education, family, and economy. Culture-bound words are sometimes considered untranslatable as their equivalents do not exist in target languages. Untranslatability is usually seen in two forms: linguistic – the target language has no corresponding words, tenses, phonetic or grammatical entities that occur in the source language; cultural – when the target language and its culture lack a relevant situational feature for the source-language text. Linguistic untranslatability, according to J. C. Catford, occurs when there is no lexical or syntactical substitute in the target language for a source language item [1, p. 98]. As the Azerbaijani and English languages belong to different language families, there are very few similarities between these two language systems, however, the series of translation methods and procedures (transposition, addition, paraphrasing, reduction, etc.) help to get rid of this barrier. The main obstacle in the translation process continues to be the translation of culture-bound items that have been studied for a long time.

In this article, together with realia, the names of the institutions, establishments, organizations that existed within the territory of Azerbaijan in the XX century are compared with their English equivalents, and the problems caused by the local culture are clarified. As it is known, being stable, recurring patterns of behavior, institutions can be primary and secondary and refer to family, education, religion, economy and politics [5, s. 39; 6]. Samples are chosen from D. Seyid-zade's book "Azerbaijan in the Beginning of the XX Century: Roads Leading to Independence" since it depicts this period comprehensively and is rich in culture-bound and institutional terms.